

Р.П. Кулумбегов

«МУЖЧИНА» И «ЖЕНЩИНА». ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОМ ТРУДЕ ОСЕТИН

Р.П. Кулумбеков*

Аннотация. В статье рассматриваются особенности разделения труда в земледельческом быте осетин. Гендерные различия в трудовых процессах определяются физическими особенностями мужчины и женщины, приспособленностью их психологии к определенной работе, табуированием того или иного вида трудовой деятельности. Существовали виды работ, в которых могли принимать участие исключительно мужчины, в других – только женщины. Ряд трудовых процессов допускал их равное участие.

Ключевые слова: половые различия, табу, пахота, сев, уборка урожая.

У каждого народа на протяжении всего времени его существования сложились свои стойкие представления о «мужском» и «женском» начале как части культурной традиции этноса. При этом есть сходные, характерные для всех народов понятия, существуют и свои особенности, присущие только тому или иному социуму [2, с. 178].

Гендерные различия в народной культуре проявляются во взаимоотношениях между полами; в сообществах мужских и женских; в праздниках и хозяйственной деятельности; в статусах и ролях представителей полов; идеях и верованиях, формирующих понятия «мужественности» и «женственности»; социализации мужчин и женщин [1, с. 6].

Традиционное общество, в зависимости от пола общинника, определяло его положение – человек должен был придерживаться установленных правил и соответствовать ожиданиям общества. На протяжении эпох формируются черты, нормы, стереотипы, роли, типичные и желаемые для тех, кого общество определяет как «мужчина» и «женщина» [9, с. 16].

Разделение труда между полами табуирует одинаковость мужчин и женщин, разделяет мужчин и женщин на две взаимоисключающие категории, усиливает биологические различия между полами и потому создает гендер [10, с. 96].

В Осетии гендерной детализацией отличалась, прежде всего, сфера хозяйственной деятельности. Существовала градация приложения сил мужчин и женщин, основанная на представлениях о дозволенном (*фæтчы*) и недозволенном (*нæ фæтчы*). При этом вторжение на «женскую» или «мужскую» половину осуждалось обществом и могло привести к репутационным потерям.

Одной из сфер, где ярко проявлялись гендерные различия, является земледельческий труд.

Подготовка к началу сельскохозяйственного года – весне – начиналась уже в зимние месяцы. Орудия труда при необходимости ремонтировались, изношенные заменялись новыми. Этим обычно занимались мужчины. Женщины готовили семенной

фонд, отбирая самые крупные зерна пшеницы и ячменя, перебирали картофель для посадки. Все эти работы производились в помещениях.

На пашни земледельцы выходили после того как поля покроются снегом, чтобы вывезти на них органические удобрения. В горах Осетии для этих работ больше всего подходил период заморозков, когда снег, оттаявший за день, к утру покрывался прочной снежной коркой – настом (*дзода*). Такое предпочтение объяснялось тем, что навоз перевозился преимущественно на санях, и прочный наст не позволял саням проваливаться в глубокий снег. Период заморозков был предпочтителен и еще по одной причине. Часть пашен находилась на разных берегах рек, и, чтобы преодолеть водную преграду на санях, необходимо было, чтобы водные преграды покрылись льдом. По этой сезонной переправе и передвигались к пашням зимой транспортные средства с органическими удобрениями.

На равнинной части Осетии для вывоза удобрений на поля использовали арбы.

На сани и арбы ставились плетеные корзины (*куыф*), и уже в них складывался навоз. Каждая такая корзина была одновременно и мерой, по которой отмеривалась норма вносимого удобрения. Там, где были крутые склоны, навоз на пашни доставляли в корзинах (*лæскуыф*), которые переносили на спине.

Работа по вывозу навоза и, тем более, доставка его на спине на горные кручи требовала от земледельца больших усилий. Исследователь народного быта Осетии Л.Я. Лавров отмечал, что «работа эта, при крутизне горных подъемов и спусков, настолько тяжела, что в 2–3 дня может заморить самого здорового человека» [6, с. 59]. Понятно, что такой род деятельности был исключительно в компетенции мужской части общества.

До того как начинался вывоз на поля органических удобрений, молодежь селения на снегоступах должна была проложить путь для саней, чтобы с утра они могли проехать по промерзшей за ночь колее к пахотным участкам. Непосредственно вы-

* Кулумбегов Роберт Петрович – к. и. н., ст. н. с. отдела истории и этнологии Юго-Осетинского научно-исследовательского института (*kulumbegov_2@mail.ru*).

возом навоза занимались взрослые мужчины, подростки лишь загружали удобрения в сани и арбы. Работа должна была идти с задором, сопровождаться веселыми шутками и прибаутками, – считалось, что тогда и всходы зерновых будут густыми [5, с. 65].

Следующий этап полевых работ – подготовка пашен к пахоте – был связан исключительно с участием женщин. С утра женщины выходили на земельные наделы и очищали их от мусора и камней. Единственными представителями мужской части здесь были мальчики-подростки, которые помогали женщинам собирать камни в кучи.

В дальнейшем трудовые процессы уже не дифференцируются по гендерному признаку, большинство из них проходит при совместном участии мужчин и женщин. Но существует разделение по ролевому участию.

В пахоте в горной полосе Осетии обычно участвовали как мужчины, так и женщины. При этом у последних были достаточно специфичные обязанности.

День, когда земледелец выходил на пашню, был для него особенным. Он полагал, что в зависимости от того, как он пройдет, как будут исполнены все полагающиеся этому случаю условности и определенный веками ритуал, будет зависеть будущий урожай нив [11, с. 124]. Не каждый день недели был благоприятен для начала пахоты, более всего предпочтений отдавалось вторнику или четвергу. И никогда для проведения первой борозды не выбиралась суббота, воскресенье и понедельник – это были запретные дни (*барысчы бонтæ*).

Но до того, как лемех взломает отдохнувшую за зиму землю, было необходимо сделать немало дел. Пахотное орудие должно было быть приведено в порядок, быков за месяц до выхода в поле откармливали отборным сеном. Для сева отбирались неповрежденные, крупные зерна, которые перед началом сельскохозяйственных работ перебирали еще раз. К весне у горцев в закромах оставалось мало хлеба, но семенной фонд не расходовался ни под каким предлогом.

И вот наступал день пахоты, который в ряде районов Осетии отмечался как отдельный праздник – *Рæмон бон* [7, с. 48]. Хозяйки пекли пироги со свежим сыром, над которыми возносились молитвы. Впрочем, делать начинку из твердого, выдержанного сыра также не возбранялось.

Пахарь выходил в поле с первыми лучами солнца. Произносилась молитва, и плуг начинал движение. Первую борозду желательно было провести в направлении восхода солнца, а после пахать в зависимости от рельефа пахотного участка¹.

При пахоте соблюдалась определенная организация труда и состав участников. Это диктовалось прежде всего тем, какое пахотное орудие использовалось. В горной полосе Осетии применялось легкое рало *дыбыр* / *дывыр*, которое не требовало большого числа обслуги. Кроме самого пахаря (*дыбырдарæг*) в пахоте участвовали погонщик (*галтæрæг*) и еще один участник, который опреде-

лял направление движения быков (*сæрылхæцæг*). Пахарем был старший по возрасту член семьи, погонщиком – обычно подросток, а *сæрылхæцæг* – женщина, которая вела за собой упряжь на бечевке (*сæрбос*), завязанной на рогах одного из быков, и разворачивала их на конце пашни.

Впрочем, умелый плугарь с обученными в упряжи быками мог обойтись без помощи погонщика.

Куда многочисленнее был состав участников пахоты плугами. В легкий плуг *гутон* впрягалось две-три пары волов. Поэтому для управления такой упряжью привлекалась еще пара подростков. Участие женщины также ограничивалось тем, что она определяла направление движения быков по пашне.

Но в трудовом коллективе, который работал с тяжелым отвальным плугом *дыуабазырон гутон*, участие женщин было иным. В упряжи теперь было от четырех до шести пар быков, и разворачивать такую конструкцию женщины было не под силу. Все обязанности теперь доставались подросткам и молодым мужчинам. Но и женские руки не оставались невостребованными – за плугом должны были идти несколько женщин и разбивать мотыгами образовавшиеся при переворачивании пласта комья земли (*фæсауæдзгæнджытæ*).

Надо отметить, что были и исключения в плане участия женщин в пахоте. Так, во время Великой Отечественной войны женщины во время пахоты заменяли мужчин, ушедших на фронт. Или другой пример. Жительница селения Тли Дзауского района РЮО Е. Фарниева, оставшись вдовой, сама вспахивала свои земельные наделы, не дожидаясь, когда односельчане организуются для нее в общественную взаимопомощь – *зиу*².

Не менее важной обязанностью женщин в период пахоты и сева был подбор семян. Женщины отбирали зерна для семенного фонда уже во время веяния прошлогоднего урожая. Для этого существовала специальная технология. Во время веяния обмолоченное зерно подкидывали вверх лопатами, стараясь выложить его продолговатыми валами (*кæри*). При этом происходило отделение зерен от мякоти. Мякина, как легкая субстанция, относилась ветром на край вала, менее плотные зерна концентрировались в его центре, а наиболее крупные зерна собирались у начала кучи.

Считалось, что именно последние зерна лучше всего подходят для сева весной. Но этим подбор семенного фонда не заканчивался. Позже отобранные семена просеивали через сито с большими ячейками (*сыхырна*) для того, чтобы отобрать наиболее крупные и целые зерна. А перед выходом на сев семенной фонд еще раз перебирали на деревянных мисках (*тæбæгъ*) – все для того, чтобы отобрать качественные семена (*уд нæмыг*).

Применялся специальный метод для ускорения проращивания семян. Так, перед посевом ячменя его замачивали в воде на ночь. Считалось, что всходы влажного ячменя догоняют посеянное неделей раньше³.

В процессе сева, как и при пахоте, главенствующую роль играл мужчина. Эту работу выполнял либо старший в семье мужчина, либо кто-нибудь из жителей села, у которого, как гласила людская молва, «счастливая рука». Эта работа была не только почетной, но и несла на себе груз ответственности, – ведь в случае недостаточных всходов сеятелю это было бы вменено в вину. Поэтому не каждый человек соглашался производить сев на чужом поле.

На весь период посевной сеятель не должен был бриться, стричь волосы, производить сев с непокрытой головой.

И здесь, как и при пахоте, роль сеятеля не принадлежала раз и навсегда мужчине. В горной Осетии эти обязанности могла выполнять и старшая хозяйка дома [3, с. 138].

Сеятель для семян использовал кожаный мешок (*дзæкул*) или плетеную корзинку (*мæрт*). Ими же отмеряли необходимое количество зерна для сева. Сеятель (*тауæг*), перекинув через плечо орудие сева, шел от одного края поля до другого, равными горстями рассеивая семена.

Процесс сева, тем не менее, не обходился без женского участия. Так, было необходимо, чтобы впереди сеятеля шла женщина (*разæйцæуæг*), она была своего рода передвижным маркером, по которому сеятель определял уже засеянный участок вспаханной земли.

Человек, производящий посев, должен был обладать разнообразными навыками, которые нарабатывались веками и основывались на знании почв, особенностей высеваемых культур, технологии сева и т. д.

Например, когда сеяли ячмень, то не требовалась густота посева, в то же время овес необходимо было сеять густо. На ровном участке пашни сеяли реже, на склоне сеятель разбрасывал семена полной горстью. Сеятель с опытом шел по пашне с таким расчетом, чтобы размах руки и шаг ноги были одновременными. При посеве кукурузы требовалась меньшая густота сева, поэтому сеятель бросал полгорсти через шаг, а при посеве пшеницы – полную горсть⁴.

С первыми всходами начинались работы, которые находились исключительно в ведении женской части общества, – прополка. Прореживание колосовых (*рувæнты куыстытæ*) в горной полосе начиналось через пару недель после сева. Ростки сорной травы к этому времени были в изобилии. Прополка производилась преимущественно руками, чтобы не повредить ранние всходы. Женщины обходили поля и выдергивали вручную сорную траву. Если всходы были слишком густыми, то и их прореживали.

Но работа по сбору сорняков имела еще одну положительную сторону – гастрономическую, ведь среди сорняков были и очень полезные растения. Так, один из сорняков – кервель (*хуыскъæл*) считался съедобным, его ботву (*гæнгæлы*) не только употребляли в свежем виде, но и солили. Так что работа в поле при прополке была связана и с ис-

точником добавки к пищевому рациону сельчан, которые весной особенно нуждались в витаминах.

Следующий период, когда выполнялся большой объем работ в полеводстве, была жатва. Земледельцу было необходимо без потерь и в срок собрать урожай, на который он потратил свой труд.

Сроки жатвы в каждой природно-хозяйственной зоне определялись по-разному, в зависимости от климатических условий. На равнинных землях к сбору урожая приступали в июле, в предгорьях – в августе, в горной полосе хлеба убирали в сентябре. При этом в каждой местности существовала последовательность уборки зерновых, которая диктовалась набором возделываемых культур.

Убирать хлеба начинали с полей с южной экспозицией, здесь они вызревали раньше, после переходили к пашням на ровных участках, а в завершение жнецы начинали жать хлеб на склонах, обращенных на север. В горах заморозки начинались рано, и зачастую зерно замерзало в колосьях. Поэтому период жатвы старались не затягивать.

Определение сроков начала жатвы конкретной нивы базировалось на эмпирическом опыте. Это прежде всего спелость культурного растения. Так, зрелость зерновых культур земледелец определял как визуально – какого цвета стебель и сам колос, так и на тактильном уровне – насколько твердыми были зерна. Такой опыт был важен, чтобы избежать перезревания хлебов и как следствия этого – осыпания колоса.

Жатва в горной зоне производилась преимущественно небольшими серпами, иногда использовалась коса, но только в том случае, если приходилось скашивать полегшие хлеба. При жатве косой достигалась большая производительность, но в то же время наблюдалось осыпание колоса, что в условиях небольших объемов урожая было нежелательно. Жатва серпом позволяла избежать значительных потерь при уборке урожая, но работа с ним занимала больше времени и требовала от жнецов большой сосредоточенности. И здесь, как нигде лучше, подходил женский склад характера, отличающийся восприимчивостью к монотонной работе.

Мужчина с серпом был скорее исключением, чем правилом. Женщины главенствовали в процессе жатвы: они и срезали колосья, и связывали их в снопы. Впрочем, не обходилось и без участия мужчин, именно они скирдовали собранные снопы.

Жнецам приходилось трудиться в согнутом положении по несколько часов кряду. Непросто было работать на солнцепеке на открытом пространстве поля. Такой труд приводил к быстрому переутомлению, поэтому неудивительно, что у женщин-жниц, особенно молодых, часто случались обмороки.

Обращение с серпом требовало от жнеца умения и навыков. Жнец должен был выдерживать при срезе стебля направление в сторону наклона колоса, не превышать высоту среза стебля, аккуратно связывать снопы, чтобы колос не осыпался. И здесь присущие женщинам выдержка и аккуратность в работе были незаменимы.

Жнецы были экипированы соответственно: на рукавники (*цæнддыстæ*) и кожаный или матерчатый (из плотной ткани) передник (*хæлынраздарæн*). Эти аксессуары предохраняли одежду от износа. Но был еще один важный элемент. В процессе работы серпом нередко были производственные травмы, поскольку это орудие жатвы было обычно хорошо заточено. При жатве серп находился в правой руке, срезаемые колосья захватывались левой. Во время работы, при неосторожном движении, левая рука часто задевалась лезвием серпа, поэтому жатва редко обходилась без травм, порой очень серьезных. Чтобы избежать порезов, на левую руку надевали либо деревянные напальчники (*къæбæлтæ*), либо вязаную перчатку (*быдцонæ*). Этот защитный комплекс – фартук, на рукавники, напальчники – был распространен в ареале использования серпов [4, с. 117; 8, с. 121].

Жатва считалась радостным событием, несмотря на все те трудности, которые были связаны с этой работой. И это было неспроста, именно сейчас можно было увидеть воочию результаты всего сельскохозяйственного года – урожай, колосившийся спелыми желтыми нивами.

Для девочек-подростков, которые впервые выходили в поле на жатву, это был первый опыт работы с серпом, еще один опыт работы в коллективе. На поле матери приводили и маленьких девочек, которым в будущем предстояло участвовать во взрослых работах. Для них кузнецы изготавливали маленькие, игрушечные серпы. Уже тогда в сознание девочек закладывалось представление о гендерном различии участия в трудовых процессах.

По окончании жатвы начинались работы, в которых были заняты исключительно мужчины – вывоз урожая (*ласæнтæ*). Для транспортировки снопов в горах использовались сани, с крутых склонов урожай выносили на спине в плетеных корзинах. В предгорьях хлеба вывозили на небольших горских арбах, на равнине – на больших арбах с наращенными бортами.

Скирды со снопами свозили как можно ближе к гумну, где ставили на ровной площадке (*æфтауц*). Лишь после того, как все хлеба привозились в селение, начинался обмолот урожая.

Процесс молотбы (*найгæнæн*) имел свои особенности в каждой природно-хозяйственной зоне в зависимости от возделываемых зерновых культур и применяемого способа обмолота. В горных селениях Осетии горцы обмолачивали хлеба с помощью крупного рогатого скота (*къахæй най*). В предгорьях и на равнине урожай зерновых обмолачивали с помощью молотильных досок (*чъеури*).

В первом случае в работе участвовали преимущественно мужчины, при обмолоте молотильными досками допускалось участие женщин. В последнем случае это было связано с гендерным разделением, основанным на представлениях о дозволенном (*фæтчы*) и недозволенном (*нæ фæтчы*). При работе с молотильной доской было необходимо, чтобы на ней стоял работник, который выполнял

функции балласта. Это не считалось работой, достойной настоящего мужчины, к ней привлекались исключительно подростки и женщины. Появление мужчины на молотильной доске по время обмолота могло быть только частью шуточного розыгрыша⁵.

Уже при веянии зерна участие в трудовых процессах женщин было приоритетным. Здесь мужская сила использовалась только при перетаскивании мешков и плетеных сапеток с очищенным зерном. Веяние (*кæримæ æппарын*) женщины проводили, подбрасывая деревянными лопатами измельченную массу против ветра. При этом отделялось не только зерно от плевел, но и сортировались сами зерна – мелкие ветром относились на край кучи, крупные сметались ближе к веяльщицам. Именно последние зерна отбирались для семенного фонда.

Необходимым условием для успешного процесса веяния зерна было наличие ветра. Для этого использовались различные магические приемы, в их числе и призыв к покровителю ветров Галагону, который исполняли женщины:

Изæрмæ кæсын нæу нæ бон,

Дымгæ нæм рауадз, Галæгон.

Хохы фæйлауынц гæппæлтæ –

Кæрийы сæр дын лæвæрттæ!

Цъæмæлтæ ахæсс адагмæ,

Хъæбæр хор та ссивæм хæдзармæ!

(До вечера не можем ждать / Галагон, пришли к нам ветер. / Лоскутки веют на пригорке – / Дары наши тебе на краю кучи зерна. / Отнеси в овраг мякину, / Ячмень же мы берем домой)⁶.

После окончания процесса веяния женщины лущили зерно с помощью крупноячеистых решет (*сыхырна*). Очищенное зерно ссыпали в мешки или плетеные сапетки и относили в зернохранилище (*хордон*).

В цепочке трудовых процессов заключительным этапом был помол урожая. Для этого использовались водяные и ручные мельницы. Водяные мельницы (*донгуырой*) представляли собой небольшие деревянные или каменные строения, устанавливаемые на речках. В них обычно был один комплект каменных жерновов.

Ручные мельницы (*æрмгуырой*) имели как каменные, так и деревянные жернова. При помоле жернова приводились в действие вручную. Ручные мельницы применялись в том случае, если объем зерна был небольшим или реки замерзали и водяные мельницы останавливались.

Помол на мельницах шел постоянно, так как каждая семья старалась обеспечить текущие и долгосрочные потребности в муке. При этом хозяйки различали несколько видов заготовки муки: для семьи (*бинонтыхардз*), для приема гостей (*уазæджы хардз*), на религиозные праздники (*дзуары номыл*).

Различия в участии мужчин и женщин в земельном труде не каждый раз были абсолютными. Мужчина при необходимости мог взять в руки серп при жатве, так же женщина, при отсутствии

в семье мужчин, брала в руки косу. Но именно посредством разделения труда, помимо биологических признаков и одежды, определялось такое понятие, как «мужское» и «женское».

Гендерные различия в организации труда в зем-

ледельческой сфере формировались прежде всего степенью физической нагрузки, особенностями того или иного трудового процесса, базировались, в том числе, и на устоявшихся представлениях о мужских и женских занятиях.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Информант Мамиев Данил Пирузевич, 71 год, записано в с. Ходз, РЮО, в 1989 г.
2. Информант Маргиев Коста Николаевич, 76 лет, записано в с. Тли, РЮО, в 1989 г.
3. Информант Бекузарова Гигида Хамбеевна, 77 лет, записано в с. Ног-кау, РСО-А., в 1985 г.
4. Информант Костанов Ефим Григорьевич, 72 года, записано в с. Дзинага, РСО-А., в 1985 г.
5. Информант Салагаева Саниат Туйгановна, 80 лет, записано в с. Куссу, РСО-А., в 1985 г.
6. Информант Тибилова Вера Михайловна, 82 года, записано в с. Кроз, РЮО, в 1989 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов Д.А., Баранова О.Г., Зимин Т.А. Мужики и бабы. Мужское и женское в русской традиционной культуре. – С.-Пб: «Искусство-СПб», 2005. 690 с.
2. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Исследования женщин и гендерные исследования на западе и в России // *Общественные науки и современность*, 1999, № 6. С. 177–185.
3. Калоев Б.А. Земледелие народов Северного Кавказа. – М: Наука, 1981. 247 с.
4. Кисляков Н.А. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна р. Хингоу // *Советская Этнография*, 1947, №1. С. 45–51.
5. Кулумбегов Р.П. Традиционное земледелие горной Осетии. – Цхинвал: Республика. 2016. 116 с.
6. Лавров Л.Я. Заметки об Осетии и осетинах // *Периодическая печать об Осетии и осетинах*, 1989, кн. 4. С. 76–82.
7. Магомедов А.Х. Культура и быт осетинского народа. – Орджоникидзе: Ир, 1968. 568 с.
8. Мухитдинов И. Жатва и связанные с ней обряды в Вахане и Ишкашиме (XIX–XX вв) // *Советская Этнография*, 1975, № 5. С. 76–84.
9. Пушкарёва Н.Л. Гендерные исследования: рождение, становление, методы и перспективы в системе исторических наук // *Женщина. Гендер. Культура* / Под ред. Н. Пушкарёвой, Е. Трофимовой, З. Хоткиной. – М., 1999. С. 15–35.
10. Рубин Г. Обмен женщинами. Заметки о «политической экономии» пола // *Хрестоматия феминистских текстов. Переводы* / Под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной. – С.-Пб: Дмитрий Булавин, 2000. 245 с.
11. Чибиров Л.А. Народный земледельческий календарь осетин. – Цхинвал: Ирyston, 1976. 280 с.

«MAN» AND «WOMAN». GENDER DIFFERENCES IN AGRICULTURAL LABOR OF OSSETIANS

R.P. Kulumbegov

PhD, South Ossetian research institute (kulumbegov_2@mail.ru).

Abstract. The article deals with the features of division of labor in agricultural life of Ossetians. Gender differences in labor processes determined by physical characteristics of men and women, the adaptability of their psychology to particular work, the taboo of a certain type of work. There existed certain types of work among which in some only men were allowed to take part, while in others it was possible only for women. A number of labor processes contemplated their equal participation.

Keywords: gender differences, taboo, ploughing, sowing, harvesting.

NOTES

1. Informant Mamiev Daniel Piruzovich, 71 y.o., from v. Khodz, in 1989.
2. Informant Margiev Kosta Nikolaevich, 76 y.o., from v. Tli, in 1989.
3. Informant Bekurazova Gigida Khambevnna, 77 y.o., from v. Nog-kaw, in 1985.
4. Informant Kostanov Efim Grigorievich, 72 y.o., from v. Dzinaga, in 1985.
5. Informant Salagaeva Saniat Tujganovna, 80 y.o., from v. Kussu, in 1985.
6. Informant Tibilova Vera Mikhailovna, 82 y.o., from v. Kroz, 1989.

REFERENCES

1. Baranov D.A., Baranova O.G., Zimin T.A. Men and Women. Male and female in Russian traditional culture. – S. - Pb: "Art-SPB", 2005. 690 p.
2. Zdravomyslova E.A., Temkina A.A. Women's studies and gender studies in the West and in Russia // *Social Sciences and Modernity*, 1999, № 6. P.177-185.
3. Kaloev B.A. Agriculture of peoples from North Caucasus. – Moscow: Science, 1981. 247 p.
4. Kislyakov N.A. Ancient methods of agricultural machinery and ceremonies associated with agriculture, among Tajiks of the river basin. Hingou / *Soviet Ethnography*, 1947, No. 1. P. 45-51.
5. Kulumbegov R.P. Traditional agriculture of mountain Ossetia. – Tskhinval: Republic. 2016. 116 p.
6. Lavrov L. Ya. Notes about Ossetia and Ossetians // *Periodical press about Ossetia and Ossetians*, 1978. B. 4. P. 76-82.
7. Magometov A. Kh. Culture and way of life of Ossetian peoples. — Ordzhonikidze: Ir, 1967. 568 p.
8. Mukhitdinov I. Harvest and related ceremonies in Wahan and Ishkashim (XIX–XX centuries) // *Soviet Ethnography*, 1975, No. 5. S.76-84.
9. Pushkareva N.L. Gender researchers: birth, formation, methods and perspectives of historical sciences system // *Woman. Gender. Culture* / Edited by N. Pushkareva, E. Trofimova, Z. Khotkina. – Moscow, 1999. P. 15-35.
10. Rubin G. Exchange of women. Notes on the "political economy" of gender // *Chrestomathy of feminist texts. Translations* / Ed. E. Zdravomyslova, A. Temkina. – St. Petersburg: Dmitry Bulavin, 2000. 245 p.
11. Chibirov L.A. Ossetian people's agricultural calendar - Tskhinval: Iryston, 1976. 280 p.